

Череповецкий государственный университет
Кафедра литературы

Реферат по курсу
зарубежной литературы к. XIX – н. XX вв.

Особенности повествования в повести Дж. Конрада “Тайфун”

Выполнил: студент гр. 2ФР-31 Ненастьяев А.Н.
Проверил: к.ф.н., доцент Шарифуллина С.В.

г. Череповец
2003 г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
РОЛЬ ПРЕДЫСТОРИИ ПЕРСОНАЖЕЙ (ГЛАВА 1)	3
АНТИНОМИЯ ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА ВО 2-Й ГЛАВЕ	5
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СТИХИИ: ПОЛЮС ПЕРВЫЙ (ГЛАВА 3)	6
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СТИХИИ: ПОЛЮС ВТОРОЙ (ГЛАВА 4)	7
СМЕНА ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ В 5-Й ГЛАВЕ	9
ЗАМЫКАНИЕ КОМПОЗИЦИОННОГО КОЛЬЦА. ПИСЬМА (ГЛАВА 6. ПОСЛЕДНЯЯ)	10
ВЫВОДЫ	12
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	14

Введение

Объектом внимания в данной работе становится повесть Дж. Конрада “Тайфун”. Повесть может быть с уверенностью названа “типовой” для Конрада, поскольку полностью реализует почти все основные особенности его творчества в целом: интерес к морю, неоромантический тип героя, внимание к экстремальным ситуациям и поведению персонажей в них.

Поскольку предметом изучения являются особенности повествования, уместным будет анализировать произведение по главам с тем, чтобы выявляя частные черты художественной манеры автора составить в завершение целостное впечатление, касающееся заданной темы.

Роль предыстории персонажей (Глава 1)

Первая глава призвана познакомить читателя с тремя главными персонажами повести: капитаном Мак-Виром, шкипером Джаксом и старшим механиком Соломоном Раутом. Доминирующей чертой в характере капитана Конрад делает особого рода недалекость граничащую в то же время с большим жизненным и профессиональным опытом. Как считает К. Хьюитт, “...уважение автора на стороне тех, кто проявляет стойкость и мужественно делает свое дело. Однако слишком тонкая черта отделяет этих стойков, обладающих “воображением ровно настолько, чтобы пережить очередной день, и не более того”, от натур либо нравственно ограниченных и лишенных воображения, либо безумцев, чье восприятие слишком односторонне”.¹ Важным представляется тот момент жизни Мак-Вира, когда он уходит в море против воли отца:

¹ Хьюитт К. Джозеф Конрад: проблема двойственности // Иностранная литература. – М. – 2000. – № 7 (<http://www.philology.ru/literature3/hewitt-00.htm>).

“Размышляя о подобном факте, вы невольно представляете себе гигантскую властную и невидимую руку, просунувшуюся в земной муравейник, хватающую людей за плечи <...> влекущую бессознательные толпы на неведомые пути, к непостижимым целям”.² Здесь автор в полной мере предстает как неоромантик: ничто иное как сам Рок движет его героями, направляет их действия и играет их судьбой. Особое внимание повествователя сосредоточено на письмах капитана домой: “Капитан, верный фактам, - только они и доходили до его сознания, - добросовестно трудился, излагая их на многих страницах”. Письма Мак-Вира в высшей степени стереотипичны: они всегда начинаются словами “Моя дорогая жена” и всегда заканчиваются фразой “Твой любящий супруг”. Говорит ли это только о “серости” капитана? Н. Анастасьев считает, что сильные герои Конрада “... как бы тяготеют своей индивидуальностью, вроде стремятся избавиться от нее”.³ Капитан Мак-Вир – конечно, сильная личность, способная вынести бурю, но сама личность его в высшей степени завуалирована. Причину этого, скорее всего, следует искать в методе Конрада – неоромантизме, которому был свойственен тип сильного героя, но зачастую такие герои были очень похожи друг на друга, теряли свою индивидуальность. Такая ситуация, например, имела место в русском романтизме: в частности в “Думах” Рылеева, в которых все персонажи почти одинаковы, несмотря на различие места и времени действия. Аналогично характеризуются, на наш взгляд, и главные герои Конрада: все существующие в море, они зачастую стираются этим морем, становятся едва ли более значимыми для автора нежели сама стихия или корабль, в ней плавающий (см. напр. новеллу “Зверюга”).

² Конрад Дж. Тайфун: повести и рассказы. – М., 1983. – С. 310. Далее все сноски на это издание даются непосредственно в тексте с указанием номера страницы в скобках.

³ Анастасьев Н. Рассказы о непокое // Литература. – 2000. – Авг. (№29). – С. 15.

Письма мистера Раута, адресованные его жене, автор характеризует в отличие от писем двух других персонажей не по содержанию, а по тому впечатлению, которое они производят на получателя: это связано и с тем, что сам повествовать упоминает, что механик запирает письма в ящик, делая их недоступными для чужих глаз. Джакс – единственный член команды, который пишет не родственникам, а приятелю, такому же моряку. Для него дом – сам корабль, на котором он находится, а семья – его экипаж: “... мы все здесь как братья” (320). Соответственно и содержание его писем целиком посвящено морской жизни.

Зачем автору нужна предыстория героев? Казалось бы, данный элемент структуры текста более свойственен реализму, который стремится показать через него социальную обусловленность характера. История капитана, его письма и отношения с домашними, сыграют свою роль в финале романа, когда, перенеся разрушительный тайфун, Мак-Вир будет писать жене подробный отчет об этом, который она даже не прочтет. Письма двух других персонажей также всплывут после основного действия, именно по письмам будет характеризоваться отношение героя к стихии, его понимание тайфуна. Таким образом, письма образуют композиционное кольцо: начинают и замыкают действие. Логичным было бы предположить, что после пережитого тайфуна содержание их самих и их адресантов в корне поменяется.

Антиномия человек – природа во 2-й главе

Вторая глава посвящена описанию затишья перед наступающей бурей. Однако затишье это лишь внешнее – природные силы еще не вступили в свои права, но стихия людской злости уже действует на корабле в полную силу. Конрад показывает, что поведение людей определяется не их внутренними импульсами, а внешней ситуацией.

Например, чрезмерная жара в машинном отделении становится поводом для ссоры механика и Джакса, хотя ни один из них не виноват в установившейся погоде: “Температура в машинном отделении поднялась до ста семнадцати градусов. Из люка и через сетку в переборках котельной вырывался хриплый гул раздраженных голосов и сердитое звяканье и бряцанье металла” (324). Примечательно, что автор говорит о “братских” отношениях между “машинным” и “палубой”, но даже такие крепкие отношения не могут удержать от перебранки главного механика. Спокойствие моря и ветра в течение всей главы осознанно противопоставляется показаниям приборов: капитан читает “скверные” показания с манометра, записывает в судовой журнал информацию о “угрожающем” заходе солнца и низкой гряде облаков. Последнюю попытку обойти тайфун делает Джакс, предлагая капитану изменить курс, но Мак-Вир не решается на это. Симптоматично, что данная глава почти не имеет внешнего действия, зато наполнена конфликтами внутренними, между механиком и шкипером, шкипером и капитаном, вторым помощником и Джаксом. Таким образом, внешнее отсутствие волнения на море восполняется серьезными волнениями в психике судовой команды.

Амбивалентность стихии: полюс первый (Глава 3)

Тайфун – предмет повествования в 3-й главе. Однако внимание автора в равной мере сосредоточено как на описании буйства природы, так и на поведении человека в этих условиях. Сила тайфуна амбивалентна: “Такова разъединяющая сила ветра: он изолирует человека <...> яростный шторм атакует его, как личного врага, старается скрутить его члены, обрушивается на его мозг, хочет вырвать душу” (337). Однако тайфун парадоксальным образом сближает людей, в порыве отчаяния Джакс спасается только благодаря своему капитану: “... наконец, он почувствовал, что его

крепко обхватила пара толстых рук. И в свою очередь он обнял толстое, сильное тело. Он нашел своего капитана” (338). В этой главе повествование попеременно сосредоточено то на действиях капитана и шкипера, то на описании бури, которой они противостоят. По мысли автора, экстремальная ситуация должна объединять людей, только вместо они могут ей противостоят: “Так стояли они, обнявшись, в слепой ночи, поддерживая друг друга в борьбе с ветром, щека к щеке, а губы к уху, - на манер двух старых негодных кораблей, связанных корма с носом” (341). Таким образом, особенностью авторского повествования в данной главе становится смена пространственных координат между природной стихией, которая окружает главных героев, т.е. находится буквально везде, и маленьким островком корабля, на котором спасаются шкипер и капитан, который условно можно уподобить точке в указанном враждебном пространстве, поскольку неоднократно дается указание на то, что персонажи не могут как-либо однозначно позиционировать себя в пространстве, наблюдая вокруг лишь темноту и воду.

Амбивалентность стихии: полюс второй (Глава 4)

Однако тайфун обладает не только объединяющей, но и, как было указано выше, разобщающей силой. Эту свою сторону он показывает нам в 4-й главе. Первое, чем характеризуется разъединение людей во время тайфуна – нарушенная коммуникация, невозможность услышать и понять друг друга. На протяжении всей главы автор сосредоточивает внимание читателя на таких деталях: “Напрягая голос, боцман добился лишь того, что капитан Мак-Вир расслышал лишь странное сообщение...” (344), “Капитан Мак-Вир крепко зажал согнутой в локте рукой голову своего помощника и заорал ему в ухо”

(346), “Боцман продолжал орать над самым его ухом”⁴ (352) и т.п. Речь героев отрывиста, спонтанна, что подчеркивается автором графически, через серии многоточий: “Дерутся... Боцман говорит, они дерутся... Почему?... Не могу... допустить...” (351). За счет названных речевых характеристик акцентируется существование судовой команды как каких-то отдельных элементов некогда единой системы, которые, попав в экстраординарные обстоятельства, разрушили былую связь между собой и ныне существуют каждый сам по себе. Повествование в этом отношении предстает перед нами как резкая смена пространственных планов: автор-повествователь описывает нам то положение на палубе судна, то действия боцмана в трюме, то драку китайцев-пассажиров в недрах корабля. Большое внимание уделяется машинному отделению: “Отблески, словно длинные бледные языки пламени, дрожали на полированном металле. Снизу из-под настила поднимались, блестя медью и сталью, огромные вращающиеся мотыли и снова опускались...” (358), – в данном случае механизм двигателя уподоблен сердцу корабля, в то же время Соломон Раут, механик, почти сливается с машиной, они оказываются одним организмом, на который возложены все надежды на спасение: “Он (Раут) двигался с неутомимой энергией, лазил наверх, исчезал где-то внизу...” (359). Можно сказать, что буря получила резонанс в душе каждого обитателя корабля: матросы бунтуют против боцмана, китайцы дерутся из-за денег и т.д. В это же время можно довольно четко проследить оппозицию между довольно слаженными действиями главных героев, которые пытаются как-то помочь друг другу, и бесконечными рознями среди “массовых” персонажей: китайцев и матросов, на основании чего возможно сделать вывод о неуправляемости человеческой толпы в экстремальной ситуации, подчиненности ее самым низким целям: матросы требуют света, кули

⁴ Курсив мой.

поглощены борьбой за деньги. Повествовательной доминантой в данном случае будет, как было сказано, смена планов описания, однако по сравнению с предыдущей главой, взгляд повествователя захватывает гораздо большее пространство, ставя наравне море и людей.

Смена диалогической формы повествования монологической в 5-й главе

Рассмотренные выше две главы могут быть охарактеризованы с точки зрения доминирования диалогов между персонажами, что имеет под собой несколько причин: во-первых, сама ситуация общения накладывает отпечаток на характер коммуникации, т.е. речь героев в момент тайфуна может быть направлена только на сообщение друг с другом; во-вторых, авторское сознание проявляется только в тех случаях, когда необходимо дать описание места действия или отождествить персонажа с чем-либо, основная же характеристика предмета повествования дается в самих репликах героев. 5-я глава в этом смысле примечательна монологизацией повествовательной манеры: нельзя сказать, чтобы эта форма стала доминирующей, но по сравнению с предшествующими главами авторских монологов становится гораздо больше, они занимают почти половину текста главы. Чем объясняется подобного рода явление? Первое довольно большое авторское описание посвящено укрощению бунта китайцев. Монолог в данном случае – единственная форма повествования, потому как китайцы почти лишены речи, они на протяжении всей драки издают лишь невнятные крики и стоны, не случайно внимание повествователя так привлек следующий факт: “Вдруг один из кули заговорил <...> Китаец вытянул руку, зияла черная дыра рта, а непонятные гортанные с присвистом звуки странно взволновали Джакса” (367). Показательно, что заговорить китайца заставил звон

рассыпавшихся долларов. Другого рода монологи мы наблюдаем далее: почти все они являются описаниями корабля и обстановки внутри него после пережитого тайфуна. Данные описания можно условно разделить на два типа: описания корабля и пространства вокруг него, которые даются безотносительно к чему-либо, и описания обстановки внутри судна, которые чаще даются через отношение героя к каким-либо вещам его окружающим. Так большое внимание повествователь сосредотачивает на каюте капитана: “И конечно, сам он никогда не забывал класть коробку на прежнее место. Так поступил он и сейчас, но не успел отнять руку, как ему пришло в голову, что, быть может, не представится больше случай воспользоваться этой коробкой” (371). Следовательно монологи автора-повествователя появляются в данной главе не случайно, иногда принимая даже форму обобщенно-символических рассуждений: “Он следил, как судно, избитое и одинокое, тяжело пробиравлось среди диких декораций – черных водяных гор, освещенных блеском далеких миров. Оно двигалось медленно, выдыхая в самое сердце урагана избыток своей силы – белое облако пара – с глухим вибрирующим звуком; казалось, будто живое существо, стремясь возобновить поединок, посылало вызывающий трубный сигнал” (370).

Замыкание композиционного кольца. Письма (Глава 6. Последняя)

Львиную долю текста в данной главе снова занимают письма главных героев своим родственникам. Однако следует обратить внимание и на самое начало главы, где дана информация о прибытии команды в порт, на берег вначале сходит только один член экипажа – второй помощник: “Мистер Джакс <...> сообщил, что “наш второй помощник не замедлил найти себе друга. Парень ужасно смахивает за

бродягу. Я видел, как они вместе ушли с набережной”” (377). По мнению К. Хьюитта, “герои Конрада, связанные общими корабельными обязанностями, зависимостью и ответственностью, всегда живущие бок о бок и на виду друг у друга, как сказано в рассказе “Караин”, сообща влечат “одинокость морской жизни”. По окончании очередного рейса судовое братство распадается, пути членов экипажа расходятся — изоляция и одиночество носят тотальный характер”.⁵ Однако композиционным центром последней главы являются письма — именно они несут на себе основную смысловую нагрузку, позволяют окончательно оценить героев и их действия. Все три письма охарактеризованы как напрямую по содержанию, с прямыми цитатами, так и по восприятию их адресатами. В случае письма капитана более важной представляется оценка именно восприятия письма его женой: “Ей не пришлось в городе посмотреть предыдущую страницу. Она нашла бы там объяснение...” (377). Подобное отношение жены есть результат шаблонности писем капитана, которые, независимо от содержания, всегда содержат набор стандартных элементов настраивающих получателя на то, что “все в порядке”. Не изменившаяся после тайфуна манера письма свидетельствует о большой выдержке и силе воли капитана, поскольку он воспринял явление стихии не как нечто экстраординарное, хотя и испугался за “Нянь-Шань”. Письмо Соломона Раута описывается в основном только по тому впечатлению, которое оно произвело на его мать: “Старший механик написал о тайфуне всего два-три слова, но что-то побудило его сообщить жизнерадостной женщине, что он чувствует все усиливающуюся потребность в ее обществе” (380). Наиболее ценные данные о пережитом предоставляет нам мистер Джакс в письме

⁵ Хьюитт К. Джозеф Конрад: проблема двойственности // Иностранная литература. – М. – 2000. – № 7 (<http://www.philology.ru/literature3/hewitt-00.htm>).

своему другу, плавающему в Атлантическом океане. Его письмо завершает повесть. Можно сказать, что в данном случае этот персонаж берет на себя роль автора-повествователя, рассказывая нам о том, что случилось после тайфуна. С какой целью происходит подобная смена? Возможно, что автор решает заменить доминирующее повествование от 3-го лица, которое можно оценить как объективное, на повествование от 1-го лица с целью умышленной субъективации повествователя. Сам автор заявляет о письме Джакса так: “Там были фразы, рассчитанные на то, чтобы свидетельствовать о необузданной смелости и решимости. Джакс не лукавил: в момент написания он чувствовал именно так” (380). Читатель должен понять, что письмо Джакса следует читать и воспринимать не напрямую, а откидывая некоторые специфические элементы характера автора, оставляя при этом самое важное и объективное. Таким образом, субъективное повествование и умышленное отстранение автора требуется для предоставления читателю возможности сделать собственные выводы о поведении судовой команды, т.к. автор не дает никакой собственной оценки (оценка же шкипера сосредоточена только на нем самом), не пишет ни строки далее кавычки, закрывающей текст письма Джакса. Письма замкнули композицию повести, дав возможность читателю самому задуматься о смысле произведения.

Выводы

Можно сказать, что в целом повесть “Тайфун” построена в отношении повествования как классическое приключенческое произведение, где идет рассказ от 3-го лица о некой экстремальной ситуации, в которую попадают герои. Элементы перволичного автора в виде писем выполняют роль своего рода дневников, призванных раскрыть не внешнюю сторону происходящего, а внутренние

переживания персонажей. На наш взгляд в плане повествования в данной повести у Конрада получились описания: тайфуна, корабля, стихии. Характеры же как таковые довольно далеки от детальной психологической обрисовки, что, возможно, находит свое объяснение в методе писателя.

Список использованных источников

1. Конрад Дж. Тайфун: повести и рассказы. – М., 1983. – С. 309-384.
2. Анастасьев Н. Рассказы о непокое // Литература. – 2000. – Авг. (№29). – С. 14-15.
3. Хьюитт К. Джозеф Конрад: проблема двойственности // Иностранная литература. – М. – 2000. – № 7 (<http://www.philology.ru/literature3/hewitt-00.htm>).